

Бранг П.

ЛАНДШАФТ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР. ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ В СТИХОТВОРЕНИЯХ СЛАВЯНСКИХ ПОЭТОВ О ШВЕЙЦАРИИ.

"Un paysage quelconque et un état d'âme" ("Любой пейзаж – это состояние души" /фр./) – гласит изречение Анри-Фредерика Амиеля, которое при случае приводит и хорватский писатель Антун Густав Матошⁱ. Как франкофонный представитель такого взгляда, Амиель не случайно был швейцарцем, а не французом, так же как Руссо был родом из Швейцарии. Герт Маттенклотт в 1991 году сослался на то, что романцы в отличие от немцев менее склонны связывать ландшафтно-эстетическую точку зрения с национальнойⁱⁱ. Меж тем такое идеальное образное представление природы – "взгляд с альпийских высот как мировосприятие" – не столь единственно в своем роде и не столь специфически немецкое, как полагает Маттенклотт, ссылаясь на Вильгельма фон Гумбольдта и Рудольфа Борхардта, издавшего впервые в 1925 году собрание из 75 прозаических текстов по названию *Der Deutsche in der Landschaft (Немец и ландшафт)*. И в славянском пространстве подобные взгляды можно обнаружить в ярко выраженной форме, а идея "изначального соответствия человека и природы, отражением которого являются ландшафты"ⁱⁱⁱ, играет выдающуюся роль и в восприятии мира Альп славянами и в связанных с ним размышлениях о своей родине. Существенное значение обрела при этом теория климата. Не случайно это нашло свое классическое выражение в альпийском пространстве, которое позволяет акцентировать ландшафтные и культурные различия между Севером и Югом с помощью естественной границы гор. На этот контраст указала мадам де Сталь в книге *De l'Allemagne (Германия /фр./)* /возникла в 1810, опубликована в 1813 году/. Карл Виктор фон Бонштедтен, хорошо знавший южный кантон Швейцарии Тессин, опубликовал в 1824 году сочинение *L'homme du Midi et l'homme du Nord (Человек Юга и человек Севера /фр./)*. Чуть позже Пушкин в набросках *О народности в литературе* (1825) замечает: "Климат, образ правления, вера дает каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в образе поэзии". В Польше идея о литературе Севера и Юга была подхвачена Казимежем Бродзинским и великими польскими романтиками. Адам Мицкевич говорил о "литературе Севера", Зигмунд Красинский называл себя "сыном Юга"^{iv}.

Среди славян широко распространено мнение, что они обладают особой склонностью к выражению впечатлений от природы. Существует "русское восприятие природы". И.С. Тургенев, которого едва ли заподозришь в национализме, пишет в корреспонденции из Рима в 1857 году: "Природа всегда сильно действует на русскую душу, и мне случалось видеть даже генералов, военных и штатских, пришедших в истинный восторг от какого-нибудь прекрасного пейзажа, водопада или горы <...>"^v. Многие русские писатели, и сам Тургенев, делали отношение к природе созданных ими персонажей средством их характеристики /вспомним Пушкина, Толстого, Чехова, Бунина – и многих других здесь можно назвать/. В советское время Л. Леонов полагал, что природа оставила благотворный след не только в характерах отдельных героев его романа *Русский лес*, но и всех русских людей^{vi}.

Множество примеров особого понимания ландшафта русскими поэтами и "национального характера", несущего печать ландшафта, находится в вышедшей в 1990 году, озаглавленной пастернаковской строкой книге М.Н. Эпштейна *"Природа, мир, тайник вселенной...": Система пейзажных образов в русской поэзии*. Это исследование осуществлялось на уровне метатекста, т.е. с привлечением большого числа русских поэтов XVIII-XX веков, мотивов ландшафтов, "ибо в них единство национального поэтического сознания <...> сохраняется в наибольшей мере"^{vii}. К сожалению, Эпштейн при отборе 3700 стихотворений 130 авторов почти полностью ограничился отечественной природой – речь идет у него прежде всего о "русской природе"^{viii} – и едва ли привлечена лирика, которую русские поэты посвятили чужим ландшафтам.

Не только контрастное соотношение "Север-Юг" играет определенную роль в идентификации славянских поэтов с определенными явлениями природы. Ландшафт воспринимается в его горизонтальной и вертикальной протяженности. Ареал обитания восточных славян, как и поляков /за исключением Татр/, – равнина. Это нашло отражение в их языках. Немецкое слово "Raum" в географическом и философском смысле не находит в них никакого точного соответствия: русское "пространство" или "простор" и польское "przestrzeń" своей внутренней языковой формой обозначают этимологически прозрачно двухмерное расширяющееся пространство, они близки к латинскому "sterno" "распростирать"; и русские слова "страна" и "сторона" относятся к этому этимону (этимон – исходная форма или значение одного или нескольких слов. – *Примечание переводчика*). "Исследуемые факты позволяют предложить, что категория дистанции в русском языке тесно связана с горизонтальной ориентацией в пространстве", – пишет Е.С. Яковлева в своей книге *Фрагмент русской языковой картины мира /модель пространства, время и восприятия/*^{ix}, а Г.Д. Гачев констатирует: "Вертикаль в русском космосе слабо выражена"^x. Созерцание швейцарских горных ландшафтов связывается поэтому снова и снова у русских и поляков с воспоминаниями о широких ровных просторах их родины.

Так, Петр Вяземский шутит о множестве "зубов" ("Dends") в области франкофонных Альп и хочет вернуться к "беззубым" просторам, к родным полям и северным степям; так, у Якова Полонского русский странник */На Женевском озере, 1858/* вспоминает об отчизне, где степи и простор, от которого "некуда бежать"; Федор Тютчев едет *На возвратном пути /1859/* из Швейцарии через погруженный в туман "безлюдный край"; "Все голо так – и пусто-необъятно / В однообразии немом...". И Иван Коневский пишет

во время своего путешествия 1898 года, что это большая задача – "преодолеть уныние русских просторов, полей и далей"^{xi}. Выросший в предгорьях Татр Юлиан Пшибось лишь после возвращения из Швейцарии и своего переселения в Варшаву осознал, что Польша расположена на равнине.

Тематика большинства славянских стихотворений – ландшафт. Исторические и политические темы при этом отнюдь не выносятся за скобки. Часть стихотворений пробуждает в памяти события из швейцарской истории, и многие авторы связывают их с судьбой своего собственного народа.

В восхвалении Державиным смелого перехода через Альпы Суворова и его солдат гельветы – "В руках оружие, в сердце Бог!" – призваны в 24 строфе как свидетели высокого мужества русских: "Доколь течет прозрачна Рона, / Потомство поздно без урона/ Узрит в ней ваших битв зари". Альпийские горы стали для русских обелисками, "дымящи" холмы – алтарями. В стихотворении Александра Одоевского *Сен-Бернар /1831/ Наполеону* предсказано **ex eventu** поражение, если он захочет завоевать страну на севере, где находится железный рыцарь...

Мицкевич в стихотворении о Женевском озере *Над водным простором* (в переводе В. Короленко, оригинал – *Nad woda wielka i czysta...*) намекает на свою судьбу эмигранта. Константы Гашинский ничем не был так потрясен в Швейцарии, как памятником Костюшко в Цухвилле, – смертные останки польского национального героя были уже в 1818 году, через несколько месяцев после его смерти, погребены в королевской крипте Краковского собора на Вавельском холме. В своем стихотворении *На Тунском озере (Na jeziorze Thune w Szwajcarii, 1851)* Гашинский позволяет говорить швейцарцу о заседании представителей кантонов в предместье. Поляк Хенрик Мерцбах в своем путевом сонете *На могиле Костюшко (Pomnik Kościuszki w Zuchwyl pod Solura)*, написанном 23 сентября 1863 года, включает размышления об отечестве.

Меткие юмористически-политические суждения о Швейцарии, о России и всей Европе находятся во множестве в романе в стихах И.П. Мятлева о мадам Курдюковой (1843)^{xii}, – например, об отделении кантона Базеля от города в 1833 году^{xiii}.

П.А. Вяземский издал в Лозанне в 1855 году книгу и брошюру по восточному вопросу^{xiv}, однако и некоторые из его девятнадцати стихотворений, посвященных Швейцарии, ставят на обсуждение политические темы. В стихотворении *Англичанке* подает он мадам де Штейгер в Веве украдкой "варварскую руку", потому что она во время Крымской войны дала понять, что она любит русскую музу и в русской поэзии – "Ум русский, светлый и спокойный, / Простосердечный и прямой". Политические мотивы находятся и у Петра Капниста, в стихотворении *Вечером* он называет Швейцарию "свободной страной" и клеймит Россию, "Где права – все короче, /А всего длиннее – лень".

Политическим является, конечно, и шуточное стихотворение Некрасова, обращенное в 1873 году к Е.О. Лихачевой, – он противопоставляет Швейцарию с ее великолепной природой как страну справедливости, где живут люди "почти без надзора полиции", русской родине, где "правительство строгое" и природа "несчастливая". Панегирик Швейцарии – вышедшая в 1874 году поэма *Helvetia* уроженца Рагузы Медо Пуцича. Это произведение, состоящее из 246 строк, начинается с почитания сербского князя Милана, воспитателем которого был Пуцич, и одновременно "прекрасной и благородной сербской страны, которая весьма могла бы посоревноваться с гельветической". Через четыре года Любомир Ненадович пишет свое стихотворение *К Швейцарии /Швајцарској/* как воспоминание о лучшем дне своей жизни. Ненадович был, как это следует из его опубликованных уже в 1852 году *Писем из Швейцарии (Pisma iz Swajcarske)*, одним из тех многочисленных славян, путешествовавших по Швейцарии, которые интересовались ее политической культурой.

Панегирически звучит также одиннадцатистрофное прощальное стихотворение, сочиненное географом и писателем Михаилом Ивановичем Венюковым, когда он покидал страну в 1867 году после шестинедельного пребывания в ней. Он называет ее "страной свободы", он постиг здесь, что "установивший новый человек", борющийся за новое общество, – еще не потерянный человек^{xv}.

У Константина Случевского в стихотворении *Заката светлого пурпурные лучи... /1901/* звучит жалоба на русскую судьбу – и в творчестве русского поэта должна быть преодолена "долгая зима с тяжелыми снегами" и "тьма безвременья, сгущенная веками". Стихотворение *После казни в Женеве /1880/* имплицитно содержит критику того, что в Женеве тогда еще публично казнили людей. Критически освещается воспринимаемая как гротескная женевская сценка в стихотворении Н.П. Огарева *Картинка очевидца /1871/*. Два солдата-оборванца из армии Бурбаки несут гроб умершего в "нейтральном плену" товарища на женевское кладбище, швейцарский солдат идет за гробом в полном обмундировании, с саблей и оружием, "С гордым видом идет, во весь путь наблюдая, / Чтобы мертвый не вздумал сбежать как-нибудь".

Украинская поэтесса Леся Украинка позволяет жирондисту отдать предпочтение тюремным стенам, надписи на которых свидетельствуют об общей революционной борьбе за справедливость и свободу, по сравнению с прекрасными, но холодными и далекими от людей скалистыми стенами Альп.

Намеки на события швейцарской истории нередки в славянской швейцарской лирике. То, что Чеслав Янковский посвящает историческому событию, битве при Земпахе, эпическую поэму в восемнадцать строф, – скорее исключение.

Мирная миссия Швейцарии нашла свое выражение в стихотворении Николая Минского *На Женевском озере /1890/*, в котором звучит хвала озеру за то, что на его берегах была объявлена впервые войне – имеется в виду Женевская конвенция по основанию Красного Креста /1864/, может быть, и созданное в

1830 году "*Société de la Paix de Genève*". Концовка стихотворения производит впечатление китча – Женевское озеро здесь провозглашено современным озером Генисарет. Ян Каспрович пишет цикл из одиннадцати сонетов *На озере четырех кантонов (Na jeziorze czterech kantonów, 1895)* – гимн "этой кристальной святыне свободы".

То, что время между началом 1890-х годов и Первой мировой войной швейцарская тематика почти полностью ограничилась ландшафтами и их истолкованиями, едва ли может удивить, ведь символизм выступал с притязанием освободить искусство от гнета политики. Иной стала ситуация с началом Первой мировой войны. Одним из первых социальную критику предпринял Анатолий Луначарский, марксист и позже народный комиссар просвещения: он клеймит наслаждение алкоголем и манеру обращения мужчин с женщинами в Бернском *café chantant*; красота ландшафта Сен-Леже, напротив, позволяет ему предположить, что на Dents du Midi живут титаны, дети Олимпийской весны, которые потопят в озере когда-нибудь знамя войны... Писательница Вера Инбер, много занимавшаяся ленинской темой, видит Швейцарию лишь как кулисы для вождя русской революции. Белорусский поэт Пимен Панченко обращает со своим стихотворением *Крыху пра Швейцарыю /1951/* острую инвективу против капиталистической Швейцарии новейшего времени, критикует ее роль в мировой политике и противопоставляет эту картину идеальной картине древних мифов. Очень критично настроен и босниец Изет Сарайлич в своем сочиненном в 1960 году стихотворении *Швайцарска*: Швейцария – образцовая ученица, счастливая страна, однако, так вопрошает лирическое Я стихотворения, что дали счастливые страны человечеству? В своем стихотворении о Монтрё он отклоняет возможность провести остаток своих дней в столь идиллическом месте. Критичны во многом, конечно, в сдержанном тоне, некоторые стихотворения польских поэтов Юлиана Пшибося и Мечислава Яструна: их предубеждение по отношению к Швейцарии проистекает скрытно, большей частью из сравнения с судьбой их польской родины. Яструн – один из немногих, кто заметил скудную, богатую лишениями жизнь, какую он еще застал сразу после Второй мировой войны во многих швейцарских горных деревушках.

Тот, кто в советское время писал позитивно о Швейцарии, вынужден был обратиться в XIX веку, как, например, Булат Окуджава: к его антивоенным стихотворениям принадлежит стихотворение о Гийоме-Анри Дюфуре, посвященное "генералу, не пролившему ни одной капли солдатской крови". Конечно, это преувеличение. Однако примирительная позиция Дюфура в войне Зондербунда имела значение для дальнейшей сплоченности конфедерации; в истории войн представляла она исключение, и его приказ к армии при вступлении войск в кантон Люцерн – единственный в своем роде документ в военной истории...

С дружеских позиций сообщали в двадцатые годы о швейцарских миротворческих организациях и писатели русской эмиграции – как, например, Игорь Северянин в своем стихотворении *Локарно /1925/*.

Лишь после кончины Советского Союза в самой России будут напечатаны такие произведения, как стихотворение Елены Ушаковой /родилась в 1945 году/ в журнале "Новый мир"^{xvi}:

Ах, за что мне, за что мне счастье проезжать Фрибург, из Женевы
Едучи в Цюрих через всю Швейцарию поездом плавным?
Так, я думаю, мир открывался райским полднем для Евы,
Чудеса его узора красотой Божеству равны.

Видеть доверчиво протянутые этой земли ладони, бока, щеки,
Черепичные крыши, белые и красные, – здасьте, здасьте! -
Аккуратно разложенные сельскохозяйственные уроки,
Благополучных белолобых коров светло-желтенькой масти.

Русский и, можно сказать, славянский миф о Швейцарии все еще жив. Критическое рассмотрение предоставляется снова гельветической самокритике.

ⁱ В полемике с Тин Уевич: "Već je ženevac Amiel izbacio originalnu prvu kritalicu da je pejzaž duševno stanje." См.: A.G. Matoš: *Sabrana djela*. Bde. 1-20, Bd. 12. – Zagreb, 1973. – S.283.

ⁱⁱ G. Mattenklott: *Sprachräume als Heimat. Gedanken zu Nationalität, Universalität, Identität*. In: *NZZ*, 1./2. Juni 1991, №124, S.65.

ⁱⁱⁱ *Loc. cit.*

^{iv} M. Joczowa: *Literatura północy i literatura południa*. In: *Słownik literatury polskiej XIX wieku*. Pod red. J. Bachórze i A. Kowalczykowej. – Wrocław, W-wa – Kraków, 1991. – S.500-504.

^v Тургенев И.С. Полн. собр. соч. в 28 тт. – М.-Л., 1968. – Т.15. – С.9. Отчет появился в журнале "Атеней" в 1858 году. Менее патетически прозвучит отнюдь не иронически подразумеваемый пассаж, если перевести слово "душа" словом "сердце" (Herz).

^{vi} См.: Петишев А.А.: *Человек и природа в романе "Русский лес"*. К 80-летию... // *Литература в школе*. – М., 1979. – №2. – С.56-57.

^{vii} Эпштейн М.Н.: *"Природа, мир, тайник вселенной..."*: Система пейзажных образов в русской поэзии. – М., 1990. – С.5.

^{viii} *Ibid.* С.156.

^{ix} Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира /модели пространства, времени и восприятия/. – М., 1994. – С.31; ср. в особенности с.29-32: "О широте пространства носителей русского языка".

^x Гачев Г.Д. Наука и национальная культура /гуманитарный комментарий к естествознанию/. – Ростов-на-Дону, 1992. – С.36, цит. по: Яковлева, *op. cit.*, С.32.

^{xi} Коневский И. Стихи и проза. Посмертнов собр. соч. – М., 1904. – С.191, глава "Русь. /Из летописи странствий/. Июнь-авг. 1898.

^{xii} См.: P. Brang. Zur Genre Vielfalt des literarischen Reisebericht, in: Fakten und Fabeln: schweizerisch-slavisches Reisebegegnung vom 18. bis zum 20. Jahrhundert /hrsg. von M. Bankowski, P. Brang, C. Goehrke, R. Kemball. – Basel; Frankfurt am Main: Helbing und Lichtenhahn, 1991. – S.131-154.

^{xiii} Глава "Базель" "Сенсаций и замечаний госпожи Курдюковой за границей, дан л'этранже" И.П. Мятлева.

^{xiv} Trente Lettres d'un vétéran russe de l'année 1812 sur la Question d'Orient (442 p.); Trois nouvelles Lettres d'un vétéran russe... (61p.).

^{xv} Венюков М.И. Из воспоминаний. Кн.2: 1867-1876. – Амстердам [правильно Париж], 1896. – С.28-29. – Венюков (1832-1901) – корреспондент "Колокола" Герцена, был связан в Женеве с колонией русских эмигрантов. В своих воспоминаниях он подчеркивает, что он меж тем не разделяет уже некоторые мысли, содержащиеся в его оде, ее же тогда писал полностью убежденный в них. Восьмая строфа гласит:

Не льстят общественной здесь власти,
Не унижаются пред ней;
А гордо требуют участия
В событиях родины своей.

^{xvi} Новый мир. – М., 1992. – №1. – С.3. Об Ушаковой см.: Строфы века. Антология русской поэзии. Под ред. Е.Евтушенко. – Минск-Москва, 1995. – С.893.

Перевод осуществлен по изданию: Landschaft und Lyrik. Die Schweiz in Gedichten der Slaven. Eine kommentierte Anthologie. Herausgegeben Peter Brang. Übersetzungen von Christoph Ferber. – Basel: Schwabe und Co. AG, 1998. S.48-51, 59-63.

Перевод Е.И. Нечепорука